

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.77>

## ЭМОТИВНЫЙ МОДУС ОЛЬФАКТОРНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Научная статья

Пугачева Е.Ю.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup>ORCID : 0009-0000-7708-3180;

<sup>1</sup>Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

\* Корреспондирующий автор (elena\_pugacheva218[at]mail.ru)

### Аннотация

В статье рассматривается проблема вербализации ольфакторных вкраплений в поэтическом дискурсе на предмет их способности доносить эмотивное состояние пишущего. Проблема вербализации рассматривается в категориях соотношения сознания как совокупности когнитивных процессов, обрабатывающих данные чувственных восприятий и определяющих отношение человека к ольфакторной действительности, и менталитета как оценочной части сознания. В рамках взаимодействия этих областей устанавливаются типы эмотивных модусов, которые напрямую связаны с типом культуры, в которой они порождаются и которые играют первостепенную роль в формировании языковой личности поэта и в некоторой степени протагониста стихотворений. В результате исследования выдвигается понятие аксиологичность социальной реальности, тесно корреспондирующая с эмотивным модусом поэтического текста.

**Ключевые слова:** аксиологичность социальной реальности, метафоризация, модальность, ольфакторика, поэтический дискурс, эмотивный модус, языковая личность.

## EMOTIVE MODE OF OLFACTORY INCLUSIONS IN POETIC DISCOURSE

Research article

Pugacheva E.Y.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup>ORCID : 0009-0000-7708-3180;

<sup>1</sup> State University of Education, Moscow, Russian Federation

\* Corresponding author (elena\_pugacheva218[at]mail.ru)

### Abstract

The article examines the problem of verbalization of olfactory inclusions in poetic discourse in terms of their ability to convey the emotional state of the writer. The problem of verbalization is viewed in the categories of correlation between consciousness as a set of cognitive processes that process the data of sensory perceptions and determine the attitude of a person to olfactory reality, and mentality as an evaluative part of consciousness. Within the framework of the interaction of these areas, the types of emotive modus operandi are established, which are directly related to the type of culture in which they are generated and which play a primary role in the formation of the linguistic personality of the poet and, to some extent, the protagonist of the poems. The research puts forward the notion of axiological nature of social reality, which closely corresponds with the emotive mode of the poetic text.

**Keywords:** axiological nature of social reality, metaphORIZATION, modality, olfactorics, poetic discourse, emotive mode, linguistic personality.

### Введение

Ольфакторика (от англ. Olfactory – about sense of smell [10, С. 945]) – наука рефлексии запахов в человеческом мозге. Начиная с 60-х гг. прошлого столетия человечество пристально изучало природу и механизм образования запаховых следов, а также методы и возможные средства их использования. Ни для кого не секрет, что этим инструментом активно пользуются животные. В зоологии известно, что они изучают понятия с помощью запахов: распознают категории: свой\ чужой, съедобный\ несъедобный, теплый\ холодный и т.д. Но их понятия отличаются от человеческих, так как не имеют конкретной цели применения [3, С. 288] и не развивают фигурального значения.

В лингвистике область изучения ольфакторики – прерогатива исключительных талантов: искусство вербализации и распознавания этого «воздушного следа» для многих представляется запредельным [6], [9]. Основную сложность этого мы усматриваем в том, что здесь задействован целый комплекс умственных процессов, часть из которых обрабатывают информацию, входящую от сенсорных органов, часть – определяют модус эмотивного отклика на нее, а часть – аксиологическую ценность в масштабах социальной реальности. Иными словами, оценка ольфакторных воздействий происходит на диффузной грани между интеллектуальной и эмоциональной областями сознания [5]. Возникает закономерный вопрос: какими лексико-стилистическими средствами оперирует сознание при подобной работе?

### Методы и принципы исследования

Цель статьи составить номенклатуру средств вербализации ольфакторных вкраплений в высоко-эмотивном сознании, то есть сознании поэтов. Объектом исследования выступают лирические произведения современных поэтов

[7] на предмет языковых ресурсов вербализации ольфакторных вкраплений. Процедура исследования включает несколько взаимодополняющих этапов:

- 1) методом словарных дефиниций выявить корпус слов, семантически связанных с ЛСП «Запах»;
- 2) методом сплошной выборки определить материал для практического анализа и теоретического осмысления;
- 3) методом лексико-стилистического анализа выявить контекстуальное наполнение выявленных единиц;
- 4) методом интертекстуального анализа расширить границы изучаемого ЛСП «Запах»;
- 5) методом интерпретативного анализа произвести выводное знание.

Основной принцип исследования – принцип концептуального единства.

### Основные результаты

Обсуждая эмотивный модус, необходимо упомянуть, что само понятие «эмоция» – изобретение XVII столетия (до этого использовались слова *страсть/ passion*). К собственно эмотивному модусу оценки ученые подошли много позже – в XX веке. Впервые к нему обратился и сформулировал как термин французский языковед Ш. Балли [2]. А советский лингвист И.Р. Гальперин выявил, как он проявляется в тексте [4]. Вслед за этими основоположниками теории эмотивности языка, под эмотивным модусом мы понимаем коммуникативную категорию, которая посредством грамматических, интертекстуальных, лексических, стилистических и прочих средств, формирует художественную картину мира в поэзии и прозе, за счет чего транслирует индивидуально-авторское отношение к сообщаемой информации в условиях той или иной социальной реальности [5].

Существует мнение, что язык – в целом про эмоциональность. В него априори заложена эта категория, так как то, что не подлежит нашему эмотивному восприятию не отражается в понятийно-категориальном аппарате сознания. Эмоции же в зависимости от культуры могут различаться [3], а это может существенно влиять, например, на перевод. И с чем большим количеством языковых картин мы сталкиваемся, тем экспансивней наше эмоциональное мировосприятие. Вот основная причина, по которой нами принято решение обратиться к поэтическому дискурсу.

Мы уже писали, что поэты и писатели – самая восприимчивая часть населения [5], [6]. Их восприятие происходит не на пустом месте, но зависит от социального контекста, в котором присутствует некоторая оценочная шкала, в свою очередь регламентирующая цель применения того или иного объекта или события. Таким образом, аксиология социального контекста – это договоренность социума о том, что нечто психическое (например, категории «хорошо \ плохо») является реальным, то есть придает смысл ощущениям за счет слов. Возвращаясь к изначальному тезису, можем сказать, что именно аксиология социальной реальности выделяет человека из мира животных: мы создаем смысл из сенсорных реакций и облакаем его в лексические единицы (ЛЕ). В этом проявлен фундамент человеческой цивилизации, самый настоящий культурный мост. Правда, ширина этого моста для людей поэтического склада гораздо больше, чем для среднестатистического резидента языка. Это определяется степенью гранулированности эмоций, то есть развитость вокабуляра для их номинирования. В этом мы усматриваем как дополнительную сложность, так и дополнительный интерес предпринимаемого исследования. Переходим к практике.

Следуя заявленному алгоритму, проводим дефиниционный эксперимент по определению состава лексико-семантического поля с ядерным компонентом «Запах». Выясняется весьма небольшой объём (всего 7 вхождений) и незначительная гранулярность, то есть слова определяются реверсивно, друг через друга. Приведем выявленные ЛЕ с дефинициями:

- Запах – это специфическое ощущение присутствия в воздухе летучих пахучих веществ, которое обнаруживается химическими рецепторами обоняния, расположенными в носовой полости животных и людей.
- Воздух – смесь газов, состоящая из азота и кислорода, то есть концентрации водяного пара.
- Ощущение – отражение в сознании человека отдельных свойств и качеств предметов и явлений, которые непосредственно воздействуют на его органы чувств.
- Обоняние – это способность воспринимать и определять запахи веществ, рассеянных в воздухе.
- Пахучий – обладающий сильным запахом; душистый.
- Душистый – издающий сильный, приятный запах; ароматный, пахучий.
- Ароматный – имеющий приятный запах; душистый.

Для расширения зоны поисков, обращаемся к словарю синонимов и антонимов: ЛСП расширяется до 27 ЛЕ. Приведем полученные результаты в зависимости от их частеречной принадлежности:

Существительные: *аромат, вонь, зловоние, нюх, смрад, благоухание, дух, обоняние, вкус, след, парфюм, привкус, шлейф, anosmia, нос.*

Глаголы: *учуять, нюхать, вонять, чувствовать, попахивать, обонять, ощущать.*

Прилагательные: *душистый, диффузный, индольный.* Словарный анализ искомого ЛСП показал, что наиболее развитая зона принадлежит имени существительному. Однако его распространенность вызвана, скорее, заимствованными компонентами, нежели ресурсами русского языка.

Нетрудно догадаться, что основным поставщиком этих иноязычных вкраплений служит французский язык, родина которого известна как «парфюмерная столица мира». Знаменитые фамилии создателей духов со временем становятся не просто торговыми марками, но метонимическим замещением ароматов: Шанель, Диор, Ланвин, Живанши, Герлен, Ланком. Названия духов также «дебрендируются» и начинают обозначать собственно запахи: Shalimar, Samsara, Mon Guerlain, La Vie Est Belle, Vanilla Blend (a strong-smelling substance obtained from the beans of a tropical plant, used for improving the taste of certain sweet foods [10, С. 1476]). Приведем пример из сборника стихов современных молодых поэтов [7, С. 55]:

Я выживу! И к черту все сомненья!  
 Но **запах твой ванильный** сберегу!  
 Там нет меня, где испытуют треньем,  
 Где выбор между «БУДУ!» и «ХОЧУ!».

Пусть я останусь в памяти помпоном,

Про ёлку в апельсинах не забудь!

Там нет меня, куда летят со звоном,

Где выбор меж «РАСТВОРЮСЬ!» и «БУДЬ!».

Лирический герой данного произведения находится на грани эмоционального истощения: стиснув зубы, похоронив прошлые отношения, отказавшись от бесконечных дилемм, он оставил только самые ценные воспоминания: *ванильный запах, елка в апельсинах, останусь в памяти помпоном.*

Методом интертекстуального анализа узнаем, какие дополнительные значения развивают выявленные ЛЕ. Теплый, сладкий аромат ванили ассоциируется с домом, комфортом и то, что в датской культуре называется «хиюге». Ваниль олицетворяет безопасность и некоторую интимность, так как ей приписывают целительные и утешительные свойства. Ваниль также символизирует любовь и дружбу, вот почему это популярный аромат в парфюмерии, ароматерапии и кулинарии.

Разберем следующее ольфакторное вкрапление: *ёлка в апельсинах*. На первый взгляд, подобное словосочетание несет некий парадоксальный смысл, если не сказать уничижительный (вспомним русский фразеологизм «свинья в апельсинах», обозначающий **«человека, совершенно не разбирающегося в каком-либо вопросе или сфере деятельности»**). Парадокс состоит в том, что елка – растение северных краев, в то время как апельсин – южных. Отметим, что сама ЛЕ *апельсин* состоит из двух компонентов *appel* (плод) и *sien* (китайский), то есть буквально *appelsien* (фр.) – плод, завезенный из Китая. Зная дороговизну этих экзотических фруктов, едва ли кто имел столько свободных средств, чтобы не просто иметь этот фрукт на праздничном столе, но украшать им символ нового года. Хотя со временем, в частности в советскую эпоху, апельсины и мандарины стали неперенными, практически единственными, атрибутами Нового года, самого семейного, самого домашнего торжества. Отметим здесь очевидную связь с глоттоническим дискурсом.

Таким образом, запах хвои и цитруса – типичные запахи родом из детства, в чем мы также усматриваем связь затекстовой информацией о протагонисте. Можем сказать, что он – не французского происхождения. У галлов есть выражение *ça sent le sapin* (буквально «пахнет елкой»), которое имеет не столь позитивное значение. Перевести его можно примерно, как «смерть близко», «скоро мы умрем». Почему? Да потому что гробы делали из елей, и в целом ель как вечнозеленое дерево ассоциировалось у наших предков больше с потусторонним миром, чем с весельем и праздником [10, С. 485].

Помпон, конечно, не запах, но служит яркой характеристикой его носителя. Можем предположить, что его владелец (точнее, владелица) – натура с весьма веселым нравом или детским мировоззрением.

Отметим, что это стихотворение – беседа с неким антагонистом (выраженного 2-м лицом единственного числа), спутником в приключениях, чреватых для обоих сложным выбором. Об этом свидетельствуют многочисленные отрицательные конструкции и эпифорический повтор, который заслуживает отдельного внимания.

Как известно, синтаксическое повторение стягивает на себя содержательно-концептуальную информацию [4] текста: «где выбор между» и далее субстантивированные глаголы (полуотмеченные грамматические конструкции, в теории И.В. Арнольд [1, С. 136]) *буду, хочу, растворюсь, будь*. Вместе они образуют градационный ряд, в котором кульминационным моментом (аксиологически выверенным) становится глагол не будущего времени, но настоящего. И это согласуется с началом стихотворения – *живу*. Примечательно использование идиоматического выражения «не пахнет», что обозначает признак появления чего-либо. Таким образом, если ранее мы выявили связь ЛСП с ядерным компонентом «Запах» с прошлым, то сейчас выясняется обратная ситуация: запах служит провозвестником чего-либо, связанного с будущим.

Возвращаясь к изначальному ходу рассуждения, отметим, что с легкой руки французских парфюмеров происходит смешение языков (вспомним этимологию ЛЕ *апельсин*). Используя варваризмы, они придают экзотичность, эксклюзивность и тонкость созданному ими букету. Например, *Fragonard Patchouli (the essential oil from an East-Indian plant heavy-smelling of soil* [10, С. 986]). Этот малоприметный травянистый полукустарник произрастает в тропическом поясе, но французская фирма выбрала именно его в качестве названия нового аромата. Имеем возможность предположить, что, несмотря на незнакомое европейскому уху звучание, оно может обладать некоторой коннотацией вследствие созвучности с такими ЛЕ, как: *Patch* – a small piece of ground, used for growing vegetables; *beauty patch* – a small round usually black piece of silk worn on the face to show up the beauty of the skin [10, С. 986]. Как видим, в этой ЛЕ присутствуют семы «земли» и «хвастовства красотой лица», которые в языке-оригинале не заложены. В качестве предварительного вывода, можем предположить, что изучаемое ЛСП является максимально интернационально, что в виду глобализации и предрасположенности многих людей к той или иной торговой марке сближает языки, и в какой-то мере культуры, становясь межкультурным мостом.

Следует отметить, что сборник, откуда черпается материал исследования, написан студентами-языковиками, изучающими английский, немецкий, французский, польский, китайский. Вот почему, в их интерпретациях запахов встречаются так много интернационализмов. Пример:

Статус «в поиске» дама поставила вдруг, Ей цветы виртуальные шлют.

Но **не пахнет букет**. Не цветёт, как она! Фотошоп тут, конечно, виной. [5, С. 119]

Прокомментируем: основная тема стихотворения – виртуальная реальность и всепоглощающая вовлеченность пользователей в нее. Поиск партнера в Сети чреват разочарованием, поскольку считается исключительно картинка, но не общность интересов или совместных планов на будущее. Непахнущий букет становится символом неискренних чувств, невозможных отношений: экран не может заменить живых цветов, нежных поцелуев и теплоты объятий. В то время как в реальности преподнесенный ароматный букет является символом искренних чувств, глубокой заинтересованности, нацеленности на развитие отношений.

Но не все так романтично в поэзии. Порой встречаются далеко не восторженные строки. Пример:

Наступает момент пустоты: Дребезг эха от тысячи слов...

Белый лист, чистый холст, пыль мечты... **Вонь тоски** глушит **сладость духов!**

Я когда-то уйду во тьму, Я когда-то покину лоно:

**Шлейф событий** укажет тропу, По которой взойду я к трону! [7, С. 80]

В представленной выдержке имеются 4 ЛЕ, входящих в ядерную зону искомого ЛСП: *вонь тоски*, *сладость духов*, *шлейф событий*. Образность щемящего чувства уподобляется неприятному запаху: человек на 100% никогда не остается один, он воображает призрачность одиночества. Меняются условия существования, а осознание грусти как незримое облако довлеет над происходящим: даже над веселым, радостным совместным прошлым. Человек привязан к настоящему моменту – тому, что актуально здесь и сейчас и волен пересматривать прошлое под углом нынешнего взгляда. Вот почему гиперболическая метафора, основанная на оксюморне, столь ярка и поддерживает описываемые чувства: дребезг (ономатопея) эха (метафора) от тысячи слов (гипербола). Слова иссякли, а эмоции от их воздействия живы и святы, что фактически формирует оксюморон наподобие словосочетания «оглушительная тишина».

Именно этот после-звон от пустого трéпа приравнивается послевкусию от первичного аромата духов. Согласно толковому словарю, шлейф – длинный, волочащийся подол женского платья. Метафорически «шлейфовыми» духами называются такие, которые оставляют долгий стойкий след. Таким образом, шлейфовые события – те, что влияют на последующее развертывание жизни. Уподобление остаточного запаха – памяти; того, что было, и того, что иррадирует в будущее. Здесь мы сталкиваемся с весьма необычным явлением двойной метафоризацией: из дискурса модельеров ЛЕ *шлейф* переходит в ольфакторный дискурс, а затем обратно – в бытовой. При этом поддерживается единая концептуальная метафора, которая снова делает актуальным вывод о том, что ольфакторный дискурс имеет «зонтиковый» характер: он объединяет в себе многокомпонентные, многоязыковые элементы и раздает в другие языки и виды дискурсов.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы разберем еще одно стихотворение, которое называется «Памяти бабушки моей» [7, С. 111]:

*Ты так любила жизнь и нас! Звоню тебе, но нет гудков.*

*Январь, под утро, в первый час Сердечко не забилось вновь.*

*Я помню запах твоих рук И шелк волос давно не черных.*

*Я помню цвет прекрасных губ И эталон фигуры стройной.*

*Разговоры за чашечкой крепкого чая, Фильмов просмотр, приятный смех,*

*Мне пахнет родным, тебя обнимая, А чувство это – дороже всех.*

*А лето – время-сокровенность! Вдвоем с тобой всегда тусили:*

*Днем стряпали, играли во дворе, А вечерами в гости к Зиночке ходили.*

*Тебе нет равных, нет замены, Ты – в недрах сердца моего!*

*Твои слова вовек бесценны, Мне жаль, что ты так далеко...*

Здесь запах выступает инструментом флэшбека: он способствует перемещению автора из печального «здесь и сейчас» в приятное прошлое (Отметим, как меняется эмотивный модус от стихотворения к стихотворению, что показывает его несомненно динамический характер.). В данном случае – в то время, когда бабушка была жива. В стихотворении ярко актуализируется способность грамматического уровня доносить концептуальную информацию [4]. Оппозиция временных форм *люблю* – *звонила*; *забилось* – *помню*; *пахнет* – *тусили*, *ходили*, *стряпали*, а также оппозиция разных степеней прилагательных выполняют «функцию зонирования». В представленном стихотворении количество использованных местоимений 2-го лица (*ты*, *твой*, *тебя*) заметно больше по сравнению с каждодневной речью: 10 словоупотреблений (против 6, производных от местоимения 1-го лица). Можно предположить, что ольфакторика делает поэтический дискурс максимально личностным и легко перспективизируемым, то есть труда выделить, от лица кого ведется речь, не составляет.

Прослеживаем также цепочку контекстуальных связей: запах – помню – руки – губы – чувства – ценность – время – расстояние. Зевгматический ряд развивается экспансивно. Искомое ЛСП с ядерной ЛЕ «Запах» расширяется за счет метафор: *недра сердца*, уподобляют орган – шахте, *телефон* – дали неодолимой, *смерть* – отрицанию всего продолжающего существовать без носителя (*нет равных, нет замены, нет черных, не забилось, нет гудков*). Соответственно, концептуальное пространство поэтического текста с ядерным компонентом «Запах» начинает пересекаться с ЛСП цвета, сообщения, прогресса, развития, сопоставления, концептуализируя эти области метафорически.

Отмечается высокая эмоциональная включенность автора послания в сообщение: модальный ряд слов включает интенсификаторы: *так* любила, *вовек* бесценны, обнимая, как жаль. Отметим, что ЛЕ *обнимать* этимологически восходит к слову «охватить», «объять», что в свою очередь связано с ЛЕ *обонять*, то есть «чувствовать запахи». Обнимаем мы то, что сердцу дорого, крепко прижимаем ценное к себе.

Обращает на себя внимание употребленное имя собственное *Зиночка*. Уменьшительно-ласкательный суффикс позволяет выявить модальность принятия и одобрения. Это имя служит отправлением в некое прошлое, сопутствующее чаепитию, играм, готовке и совместному приему пищи. В словаре имен собственных указывается, что женское имя *Зинаида* в переводе с греческого обозначает «принадлежащая Зевсу», «рожденная Зевсом», «божественная дочь». В настоящее время *Зинаида* относится к весьма редким именам. По данным интернета, менее чем 5 девочек из 10 000 новорожденных называют *Зинаидами*. Логично предположить, что упомянутое имя соответствует изучаемому ЛСП, поскольку *Зина* ассоциируется с древностью, бабушками, затхлостью, особым запахом старины.

Помимо указанных метафор обращает на себя внимание частотность метонимий: *январь* – *зима* – *смерть*; *не забившееся сердце* – *смерть*; *даль* – *смерть*. Налицо пересечение таких обширных зон как запах – память – смерть, что вполне объяснимо. Запах как незримый носитель информации может возродить некоторые воспоминания,

связанные с ушедшими родственниками. Более того, сам строй мыслей, вводимых за счет стилистического приема остранения, похож на нанизывание бусин на одну общую канву. Центральной семой выступает ЛЕ «Запах» и связанные с ним базовые виды активности.

### Заключение

Небольшой объем ЛЕ, составляющих ЛСП «Запах» в русском языке (по данным словарей, 7 при непосредственном вхождении искомой семы «запах» и 27 ЛЕ после расширения за счет синонимов), неизбежно открывает этот вид дискурса варваризмам и заимствованиям из других языков, делая его максимально интернациональным. Самой частотной частью речи, номинирующей запах, является имя существительное, поскольку активно наблюдается процесс метонимизации брендов, названий парфюмов и ингредиентов, из которых формируется запах.

Обозначения запахов имеет стойкий ассоциативный компонент, однако от культуры к культуре ассоциации и, соответственно, эмотивный модус разнятся: елка в советской культуре символизирует тепло, домашний уют новогодних торжеств, во французском фольклоре – приближающуюся смерть. Даже внутри одной лингвокультуры эмотивный модус ольфакторики имеет динамический характер: апельсины в русском фольклоре имеют негативный коннотативный компонент, в то время как в советскую эпоху – положительный. Но однозначно, запах этого цитруса не оставляет никого равнодушными.

Ложная этимология экзотизмов становится дополнительным слоем ассоциативного ряда: ЛЕ *patchouli* может содержать не связанную с корнем в языке-оригинале сему, связывающую ее с землей или бахвальством. При этом отмечается попадание в нужный ассоциативный ряд. Здесь необходимо отметить, что, несмотря на максимально интернациональный характер ЛСП, эмотивный модус способствует распознаванию перспективизации и донесения затекстовой информации о протагонисте. Ольфакторика делает поэтический дискурс максимально личностным и легко перспективизируемым, то есть труда выделить, от лица кого ведется речь, не составляет. Например, имена собственные или запах хвои и цитруса – типичные запахи Нового года для рожденных в СССР. Да и сам факт ассоциации запаха с праздником делает это предположение небезосновательным: имея чрезвычайно пресный рацион питания, советские люди могли расщедриться на продукты не первой необходимости (деликатесы) исключительно по красным датам календаря. Вербализация запаха напрямую связана с пространственно-временным континуумом: обилие грамматических форм и семантических отсылок к прошлому, настоящему и будущему имеет масштабный характер в изучаемом поэтическом дискурсе. Особого внимания заслуживает использование субстантивированных глаголов: *буду, хочу, растворюсь, будь*. Такая игра слов становится в последнее время все более популярной именно в поэтическом дискурсе, несмотря на внешние жесткие формы, вызванные рифмой. Мы связываем это явление со все большим вовлечением в глобализованное сообщество, уподобляя грамматические возможности русского языка – английским. С точки зрения аксиологичности социальной реальности, это предложение представляет собой грамматически градационный ряд, в котором кульминационным моментом является глагол не будущего времени, но настоящего. И это согласуется с истинной ценностью русской языковой картины мира. Примечательно использование идиоматического выражения «не пахнет», что обозначает признак появления чего-либо. Таким образом, если ранее мы выявили связь ЛСП с ядерным компонентом «Запах» с прошлым, то сейчас выясняется обратная ситуация: запах служит провозвестником чего-либо, связанного с будущим.

Изучая ольфакторику в поэтическом дискурсе, мы столкнулись с двойной метафоризацией: из дискурса модельеров ЛЕ *шлейф* переходит в ольфакторный дискурс, а затем обратно – в бытовой. При этом поддерживается единая концептуальная метафора, которая снова делает актуальным вывод о том, что ольфакторный дискурс имеет «зонтиковый характер»: он объединяет в себе многокомпонентные, многоязыковые элементы и раздает в другие языки и виды дискурсов. Языки мира по-разному описывают сенсорный опыт, но всегда в категориях концептуальных метафор. Как пишет к.ф.н., доцент Солнцева А.В.: «Среди фразеологизмов и метафорических устойчивых сочетаний имеются единицы, отражающие материальную и духовную специфику его носителей, а также обусловленные влиянием иноязычного окружения» [8, С. 398]. Некоторые детали ольфакторики пока остаются умозрительными каскадами эмоций, но можно с уверенностью утверждать, что, если рассматривать их по модусу, используя единый конструкт понимания физической и социальной реальности, то мы приблизимся к научному мосту между эмоциональной и интеллектуальной областями сознания, между социальным и природным миром. И этот мост приведет нас к пункту назначения под названием «Что значит быть человеком?».

### Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность мужу за поддержку и терпение.

### Конфликт интересов

Не указан.

### Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала  
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.77.1>

### Acknowledgement

The author expresses her sincere gratitude to my husband for his support and patience.

### Conflict of Interest

None declared.

### Review

International Research Journal Reviewers Community  
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.77.1>

**Список литературы / References**

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / И.В. Арнольд. — М: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.
3. Баррет Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями / Л.Ф. Барретт; пер. с англ. Е. Поникаров. — М.: Литрес, 2018. — 347 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: КомКнига, 2007. — С. 110–124.
5. Пугачева Е.Ю. Эмотивный модус английских интертекстуальных вкраплений в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого / Е.Ю. Пугачева // Вестник Московского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2018. — № 1. — С. 31–37.
6. Пугачева Е.Ю. Чувствование и предчувствование как проявление модальности в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого и Дж. Р. Фаулза в сопоставительном аспекте / Е.Ю. Пугачева // Russian Linguistic Bulletin. — № 2 (62).
7. Пугачева Е.Ю. Сборник стихотворений студентов факультета романо-германских языков Государственного университета просвещения. И жить торопятся, и чувствовать спешат... / Е.Ю. Пугачева. — М.: Перо, 2024. — 164 с.
8. Солнцева А.В. «Фразеологические единицы, содержащие названия продуктов питания, в канадском варианте французского языка» / А.В. Солнцева // Материалы IV Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». — М.: Новое Время, 2019. — 476 с.
9. Трофимова Н.А. Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка) / Н.А. Трофимова, В.В. Мамцева. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. — 94 с.
10. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Longman, 2000. — 1568 p.

**Список литературы на английском языке / References in English**

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk: Uchebnik dlja vuzov [Stylistics. Modern English: textbook for universities] / I.V. Arnol'd. — M: Flinta: Nauka, 2002. — 384 p. [in Russian]
2. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and questions of the French language] / Sh. Balli. — M.: Publishing House of Foreign Literature, 1955. — 416 p. [in Russian]
3. Barret L.F. Kak rozhdayutsja jemocii. Revoljucija v ponimanii mozga i upravlenii jemocijami [How emotions are born. A revolution in understanding the brain and managing emotions] / L.F. Barrett; transl. from Eng. by E. Ponikarov. — M.: Litres, 2018. — 347 p. [in Russian]
4. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija [Text as an object of linguistic research] / I.R. Gal'perin. — M.: KomKniga, 2007. — P. 110–124. [in Russian]
5. Pugacheva E.Ju. Jemotivnyj modus anglijskih intertekstual'nyh vkraplenij v dnevnikovom diskurse L.N. Tolstogo [Emotive mode of English intertextual inclusions in the diary discourse of L.N. Tolstoy] / E.Ju. Pugacheva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of Moscow State University. Series: Linguistics]. — 2018. — № 1. — P. 31–37. [in Russian]
6. Pugacheva E.Ju. Chuvstvovanie i predchuvstvovanie kak projavlenie modal'nosti v dnevnikovom diskurse L.N. tolstogo i Dzh. R. Faulza v sopostavitel'nom aspekte [Feeling and premonition as a manifestation of modality in the diary discourse of L.N. Tolstoy and J.R. Fowles in a comparative aspect] / E.Ju. Pugacheva // Russian Linguistic Bulletin. — № 2 (62). [in Russian]
7. Pugacheva E.Ju. Sbornik stihotvorenij studentov fakul'teta romano-germanskih jazykov Gosudarstvennogo universiteta prosveshhenija. I zhit' toropjatsja, i chuvstvovat' speshat... [A collection of poems by students of the Department of Romano-Germanic Languages of the State University of Education. And live in a hurry, and feel in a hurry....] / E.Ju. Pugacheva. — M.: Pero, 2024. — 164 p. [in Russian]
8. Solnceva A.V. «Fraseologicheskie edinicy, sodержashhie nazvaniya produktov pitaniya, v kanadskom variante francuzskogo jazyka» [‘Phraseological units containing names of food products in the Canadian variant of the French language’] / A.V. Solnceva // Materialy IV Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma «Tradicionnaja kul'tura v sovremennom mire. Istorija edy i tradicii pitaniya narodov mira» [Proceedings of the IV International Scientific and Practical Symposium ‘Traditional culture in the modern world. History of food and food traditions of the peoples of the world’]. — M.: Novoe Vremja, 2019. — 476 p. [in Russian]
9. Trofimova N.A. Ljubov' i zapahi: reprezentacija ol'faktornosti v ljubovnom diskurse (na materiale nemeckogo jazyka) [Love and odours: representation of olfactoriness in love discourse (on the material of German)] / N.A. Trofimova, V.V. Mamceva. — SPb.: Publishing House of SPbGEU, 2020. — 94 p. [in Russian]
10. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Longman, 2000. — 1568 p.